

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 881 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

А. БЛОК И РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА И ЖАНРА

БЛОКОВСКИЙ СБОРНИК

X

ТАРТУ 1990

ВВЕДЕНСКИЙ И БЛОК: МАТЕРИАЛЫ К ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРЕДЫСТОРИИ ОБЭРИУ

А. А. Кобринский, М. Б. Мейлах

Более двадцати лет назад, когда имя обэриута Александра Введенского находилось в прочном забвении, один из авторов этой статьи опубликовал в тартуском студенческом сборнике заметки о его творчестве, сопровождавшиеся публикацией двух его стихотворений, в том числе знаменитой «Элегии».¹ Продолжавшаяся в последующие годы публикация наследия Введенского была завершена вышедшим уже в восьмидесятые годы двухтомным собранием его сочинений.² Между тем, в разделе ранних произведений, составивших в этом последнем издании одно из приложений, имеется лакуна. Мы рады, что она будет заполнена на страницах издания Тартуского университета, под эгидой которого появилась первая посмертная (и одновременно первая со времени двадцатых годов)³ публикация поэта.

Поэтическое становление Введенского относится ко второй половине двадцатых годов (в 1926 году была написана поэма «Минин и Пожарский»), расцвет же его творчества приходится на постобэриутский период, то есть на тридцатые годы. Тем не менее с точки зрения историко-литературной его ранние стихи, которых до нас дошло весьма немного, представляют несомненный интерес.

Я. С. Друскин, соученик Введенского по школе им. Лентовской, всю жизнь остававшийся одним из его ближайших друзей и сохранивший наследие поэта после его гибели,⁴ вспоминал, что еще в начале тридцатых годов существовала целая тетрадь стихов Введенского, написанных до 1922 года. Столь ранних его произведений нам было известно лишь два: переписанный художницей Н. Глебовой отрывок из поэмы и стихотворение «И я в своем теплом теле...»,⁵ случайно уцелевшее в составе школьной антологии, включающей, вместе с описанием экскурсии в Москву, стихи других учеников, что проливает некоторый свет на культивировавшийся в школе интерес к поэзии. Преподавание литературы вел в школе Л. В. Георг, университетский соученик

Б. М. Эйхенбаума, человек, по воспоминаниям всех его учеников, весьма примечательный, — он, в частности, интересовался фольклором, в том числе заговорами, нескладницами, и сам их исполнял в своих классах, и вообще культивировал в своем преподавании «смеховую» струю. В старших классах школы Л. Георг осуществил постановку гоголевского «Ревизора», в которой Введенский играл Хлестакова. Помимо русской литературы Георг особенно интересовался литературой французской и поощрял ранние опыты своего ученика М. Гордона, впоследствии переводчика французских поэтов. Знаток русской поэзии, Георг поощрял и поэтическое творчество Введенского, — известно, что по крайней мере ко времени февральской революции 1917 года (а может быть, и много раньше) Введенский уже писал стихи. Школу им. Лентовской и Л. В. Георга вспоминает учившийся в той же школе Д. С. Лихачев.⁶ Он же вспоминает прогулку с Е. П. Ивановым по Петрограду, во время которой тот посвятил его в реалии и историю создания блоковского стихотворения «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека».⁷ (Евгений Павлович Иванов был приглашен Л. В. Георгом в школу им. Лентовской вести литературный кружок. По свидетельству Д. С. Лихачева, доклады Иванова привлекали внимание не только школьников, но и всех педагогов. Посещал эти доклады и философ С. А. Алексеев (Аскольдов), о котором см. ниже). По всей вероятности, Иванов рассказывал это и Введенскому, чьим любимым поэтом, по единогласным свидетельствам близких, в то время был Блок. Д. С. Лихачев также сообщил нам, что Введенский и после окончания школы в 1921 году (не сдав, впрочем, экзамена по русской литературе!) продолжал туда приходить, выступая на вечерах с чтением стихов, которые Георгу очень нравились. На одном из таких вечеров в 1922 году он прочел стихи, которые характеризовались, по воспоминаниям Д. С. Лихачева, «нанизыванием синтаксически слабо связанных ритмических блоков»; из этих стихов ему запомнилось слово «воротнички» (это слово Д. С. Лихачев приводит и в своих воспоминаниях о Л. В. Георге). Две строки из стихотворения 1920 года — *я не верю в количество звезд. Я верю в одну звезду* — приведены в «Разговоре с Т. А. Липавской» (первой женой поэта, которой это стихотворение посвящено) Я. С. Друскина; эти строки напоминаются самим Введенским в произведении 1931 года «Куприянов и Наташа».

Соучеником Введенского по школе им. Лентовской был, кроме старшего его двумя классами Я. С. Друскина, Л. С. Липавский (не говоря об окончившем ту же школу несколькими годами раньше Вагинове, впоследствии вошедшем в состав группы ОБЭРИУ) — впоследствии все трое вместе с Д. И. Хармсом и Н. М. Олейниковым составили тесный круг друзей-единомышленников (в 1933—1934 годах Л. С. Липавский фиксировал их

беседы, дошедшие до нас под заглавием «Разговоры»⁸). Тогда же, в школьные годы, Введенский и Липавский образовали философско-поэтическое содружество вместе с их соучеником А. Алексеевым, сыном философа С. А. Аскольдова (1871—1945), сотрудника журнала «Мысль» и автора знаменитой статьи об Андрее Белом в альманахе «Литературная мысль» (1922), в 1928 году репрессированного и высланного на Соловки. По воспоминаниям Я. С. Друскина и Т. А. Липавской, в 1917—1919 году эти трое совместно сочинили поэму «Бык Будды» (возможно, в названии обыгрывается слово «будетляне»), которую Т. А. Липавская характеризует как «сочувственную пародию на футуризм» (последующее влияние футуризма на Введенского трудно переоценить).⁹ Другое их коллективное сочинение — *Мы с тобой по аллеям гуляем...* — сохранилось также в записи Т. Н. Глебовой.¹⁰ По поводу этих стихов Я. С. Друскин писал: «У каждого поэта есть предшественники, из которых он исходит, у которых учится. К 1920 году Введенский хорошо знает символистов, акмеистов, вообще современную поэзию; кажется, любимым его поэтом тогда был Блок. И в то же время в его двух стихотворениях 1920 года, сохраняющих еще общий дух, стиль и звучание символизма, почти в каждой строке встречаются эпитеты, метафоры, сравнения и другие приемы, свойственные не символистам и акмеистам, а скорее футуристам. В стихотворении трех поэтов встречается строка, в которой явно чувствуется Игорь Северянин: *Я такой индивидуально грустный*. Но всё это стихотворение мне кажется ироническим, приведенная же строка — ироническая пародия на Северянина, которым Введенский никогда не увлекался». Что касается этой строки, то нам кажется, что ею Введенский не только продолжает (а следующим своим стихом — *И мертво звучит моя лира* — заканчивает) стихотворение, но и полемически отвечает, «рецензирует» предшествующие реплики Алексеева. Гимназическая дружба с Алексеевым продолжения не имела.

По свидетельству Я. С. Друскина, трое молодых поэтов послали стихи Блоку и Гумилеву. Никаких следов посылки их Гумилеву, разумеется, не сохранилось, однако в 1922 году стихи Липавского были опубликованы в «Цехе поэтов».¹¹ Стихи, посланные Блоку, сохранились в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 119) вместе со следующим письмом (л. 1):¹² «Александрович! Посылая несколько своих стихотворений, просим Вас, если не затруднит, сообщить отзыв по адресу: «Съезжинская д. 37 кв. 14 (или по телефону 6-38-67) А. И. Введенскому. (От 6—8 ч. веч.).»

В. Алексеев
А. Введенский
Л. Липавский

Р. С. Были бы очень рады поговорить лично с Вами».

Ответ Блока до нас не дошел, однако на письме имеется его помета: «Получил 20 I 1921. Отв. 23 I. Ничто не нравится, интереснее Алексеев». Чем именно привлекли Блока стихи Алексеева, сказать трудно; они более традиционны, чем стихи Введенского, и в них имеются социальные мотивы.

К письму приложено пять стихотворений Введенского под одним общим заглавием. Приводим эти стихи:

СТИХИ ИЗ ЦИКЛА «ДИВЕРТИССЕМЕНТ»¹³

1

Играет на корнете-а-пистоне¹⁴
Мой друг, мой верный друг,
На голубом балконе
Из длинных синих рук.
Мое подымет платье
Веселый ветерок,
Играя на закате
В краснеющий рожок.
Я прохожу по улице
В юбке до колен;
Становишься распутницей:
Так много перемен.
Я в лавке продовольственной
В очередях стою.
Все помню с удовольствием
Последнее «люблю!»
И плачу долгим вечером,
И думаю о нем,
Что ж — делать больше нечего.
Вздыхаю пред огнём.

2

Та-ра-ра-бумбия,
Сижу на тумбе я.¹⁵
Простерты руки
К скучной скуке.
Рука простертая
ласкает звездочки,
А солнце мертвое
лежит на жердочке.
У нее узкая талия,
В руках белое полотенце;
Мои глаза в Австралии
Темнее тамошних туземцев.
Та-ра-ра-бумбия,
Сижу на тумбе я.

Ночь каменеет на мосту,
Холодный снег и сух и прост.
Послушайте, трактор мой пуст,
Где звезды лошадиный хвост.

У загнанного неба мало
Глядят глаза на нас, когда
Влетают в яркие вокзалы
Глухонемые поезда;
Где до утра
Ревут кондуктора.

А ночь горбатая возрастает до зари,
И хмуро хмурятся от снега фонари.
Надень меха!
По улицам пройдишь!
Она тиха —
Воров безумных летопись.

Черный Гарри крался по лестнице
Держа в руках фонарь и отмычки;
А уличные прелестницы
Гостей ласкали по привычке.
Черной ночью сладок мрак
Для проделок вора.
Трусит лишь один дурак
В серых коридорах.

О пустынный кабинет,
Электрический фонарик!
Чуть скрипит сухой паркет, —
Осторожен тихий Гарри.

А в трактире осталась та,
Ради которой он у цели.
О красавица, твои уста —
И они участвуют в деле!
Вот уж близок темный шкаф
С милыми деньгами.
Но предстал неожиданно граф
С грозными усами.

И моментально в белый лоб
Вцепилась пуля револьвера.
Его сложила в нищий гроб
Не сифилис и не холера.

Не пойте черноглазых од
Над жертвою слепого рока.
Пусть месяц — скорбный идиот
Целует руки у востока.

Рвется ночью ветер в окна,
 Отвори-ка! отвори!
 Я задумалась глубоко,
 Но ждала вас до зари.
 Я любила вас, не зная,
 На четвертом этаже.
 Все по комнатам гуляю
 Одинок в неглиже.
 Ах, зачем же тихо стонет
 Зимний день на Рождество.
 Вы сдуваете с ладоней
 Пепел сердца моего.
 Пусть мои закрыты двери.
 Под глазами синева.
 Разболелась от потери,
 Закружилась голова.

«В ночных шикарных ресторанах»
 Из соврем<енного> романа.
 Аргентинское танго.

В ресторанах злых и сонных
 Шикарный вечер догорал.
 В глазах давно опустошенных
 Сверкал недопитый бокал.
 А на эстраде утомленной,
 Кружась над черною ногой,
 Был бой зрачков в нее влюбленных,
 Влюбленных в тихое танго.
 И извиваясь телом голубым,
 Она танцует полупьяная,
 (Скрипач и плач трубы)
 Забавно-ресторанная.
 Пьянеет музыка печальных скрипок,
 Мерцанье ламп надменно и легко.
 И подают сверкающий напиток
 Нежнейших ног, обтянутых в трико.
 Но лживых песен танец весел,
 Уж не подняться с пышных кресел,
 Пролив слезу.
 Мы вечера плетем, как банты,
 Где сладострастно дремлют франты,
 В ночную синюю косу.

Кто в свирель кафешантанную
Зимним вечером поет:
Об убийстве в ресторане
На краснеющем диване,
Где темнеет глаз кружок.
К ней, танцующей в тумане,
Он придет — ревнивый Джо.
Он пронзит ее кинжалом,
Платье тонкое распорет;
На лице своем усталом
Нарисует страсть и горе.
Танцовщица <с> умершими руками
Лежит под красным светом фонаря.
А он по-прежнему гуляет вечерами,
И с ним идет свинцовая заря.

1920 г.

ноябрь — декабрь.

Как и в известных до этого ранних текстах Введенского, лишь немного в этих стихах, отмеченных довольно смелой образностью и метафорикой, предвещает поразительную самобытность последующей поэзии Введенского. Можно указать на некоторое влияние Ахматовой в первом стихотворении цикла (*Играет на корнете-а-пистоне — ср. И мальчик, что играет на волынке...*, 1911, или: *вздыхаю пред огнем — о, только дайте греться у огня* в том же стихотворении¹⁶; в целом же им присуща скорее имажинистская образность. Любопытна кинематографическая стилизация третьего стихотворения, напоминающая отчасти «Кинематограф» Мандельштама (1913), так же как и стилизация под аргентинское танго последнего стихотворения цикла (недавно подобный опыт был блестяще повторен Иосифом Бродским).¹⁷

В заключение заметим, что посылка стихов Блоку не является чем-то исключительным для Введенского. Как сказано выше, те же трое поэтов посылали стихи Гумилеву, а в 1926 году Введенский и Хармс обратились с письмом к Пастернаку (которого они ошибочно называют Борис Леонтьевич):

«Уважаемый Борис Леонтьевич,¹⁸ мы слышали от М. А. Кузина¹⁹ о существовании в Москве издательства «Узел».²⁰

Мы оба являемся единственными левыми поэтами Петрограда, причем не имеем возможности здесь печататься.

Прилагаем к письму стихи, как образцы нашего творчества, и просим Вас сообщить нам о возможности напечатания наших вещей в альманахе «Узла» или же отдельной книжкой. В последнем случае мы можем выслать дополнительный материал (стихи и проза).

Даниил Хармс
александрвведенский²¹
3 апр<еля> 1926.
Петербург».

Наконец, в 1928 году все обэриуты послали свои произведения в Париж с эмигрировавшим туда Павлом Мансуровым — в том числе Введенский — «печатный лист»,²² а несколько раньше, в 1927 году, когда обэриуты еще группировались под названием «Левый фланг», они под впечатлением мимолетной встречи с Маяковским после его выступления в Капелле послали стихи в «Новый ЛЕФ», где в так называемой «корзине ЛЕФа» (архиве произведений, не представлявших для редакции непосредственного интереса) их видел Н. И. Харджиев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Александров А., Мейлах М. Творчество Александра Введенского // Материалы 22-й науч. студенческой конф. Поэтика, история литературы, лингвистика. — Тарту: ТГУ, 1967. — С. 105—115. Недавно В. Глоцер без ссылок на это издание перепечатал «Элегию» как «архивную находку» в «Новом мире» (1987, № 4). Заметим, что это произошло в эпоху, когда по крайней мере один из авторов был лишен возможности выразить свое мнение по этому поводу.

² Введенский Александр. Полн. собр. соч. Вступительная статья, подготовка текста и примечания М. Мейлаха. Ардис / Анн Арбор. — 1981. — Т. 1. — 1984. Т. 2. — В настоящее время в Большой серии «Библиотеки поэта» нами подготовлен том «Поэзия ОБЭРИУ».

³ При жизни Введенский печатался лишь дважды: в сб. «Собрание стихотворений», изданном Союзом поэтов (Л., 1926), и «Костер»: Л., 1927. Произведения для детей — библиография насчитывает более двухсот позиций — составляют область совершенно отделенную от главной линии его творчества.

⁴ Большая часть дошедших до нас произведений Введенского вместе с рукописями Даниила Хармса была спасена уже ослабевшим от голода Я. С. Друскиным блокадной осенью 1941 года из квартиры Хармса после его ареста. А. Александров уже дважды искажал этот факт в печати: на страницах «Ленинградской правды» и в предисловии к изданию «Даниил Хармс. Полет в небеса» (Л., 1988), где он на с. 506 утверждает, что «с осени 1944 года хранителем уцелевшего архива (потери все же были) стал один из друзей Хармса — Я. С. Друскин».

⁵ Полн. собр. соч. ..., т. 2, Приложение 2. Ранние произведения, №№ 37 и 37 bis, с. 191.

⁶ Лихачев Д. С. Я его так ясно помню... // Аврора. — 1981. — № 9. — С. 100—107. Упоминание Введенского на с. 105 сопряжено с опечаткой, — он здесь назван Александровым.

⁷ Лихачев Д. С. Из комментария к стихотворению А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека» // Лихачев Д. С. Избранные работы. — Л., 1987. — Т. 3. — С. 338—342.

⁸ «Разговоры», вместе с другими произведениями Липавского, подготовлены нами для издающегося в «Советском писателе» тома прозы Введенского, Хармса, Липавского и Друскина.

⁹ В двадцатые годы Введенский особенно ценил поэзию Крученыха. По рассказу Н. И. Харджиева, который в тридцатых годах познакомил Введен-

ского с Крученыхом, Введенский во время этой встречи читал свои стихи, к которым Крученых отнесся скептически, и сам прочитал свои стихи. Встреча была неудачной, но, выйдя от Крученыха, Введенский сказал Н. И. Харджиеву: — А его стихи действительно были лучше.

¹⁰ Полн. собр. соч. ..., т. 2, Приложение 6. Коллективные сочинения и сочинения «на случай», № 129. С. 225.

¹¹ «Цех поэтов», 1922, № 3. См. также «Числа», Париж, № 7—8, 1932. В дальнейшем Липавский стихов не писал. Как и Я. С. Друскин, он окончил философский факультет Петроградского университета, где оба они учились у Н. О. Лосского. После изгнания Лосского им было предложено остаться при университете ценой отречения от учителя (излишне говорить, что сделать это они отказались). В дальнейшем оба они разрабатывали каждый свою оригинальную философию. Я. С. Друскин большую часть жизни преподавал математику в вечерней школе, Л. С. Липавский под псевдонимом Л. Савельев сотрудничал в детской литературе.

¹² Сведения об этом письме были опубликованы, когда наше издание Введенского было уже полностью подготовлено к печати и ввести в него эти материалы не представлялось возможным. См.: *Блок Александр*. Переписка. — М., 1979. — Вып. 2: Письма к Блоку. — С. 149.

¹³ Стихи написаны по старой орфографии. Слово «дивертиссемент» сохраняется в старинном написании. Пунктуация, в отличие от позднейших произведений Введенского, близка к нормативной; в некоторых случаях нами внесены в нее очевидные уточнения.

¹⁴ Корнет-а-пистон — духовой инструмент, род корнета.

¹⁵ Цитата из «Трех сестер» Чехова — слова, которые напевает Чебутышкин (действие четвертое).

¹⁶ Художница Е. В. Сафонова, дружившая с Введенским (в конце 1931 года они были одновременно арестованы «за подрывную работу в области детской литературы» и вместе были в ссылке), вспоминала, что тот запоем читал в 1940 году только что вышедший сборник Ахматовой «Из шести книг» и, в частности, пронизательно комментировал напечатанное в нем под видом «любовного» — на самом деле входящее в «Реквием» стихотворение «И упало каменное слово...», замечая по поводу строки *У меня сегодня много дела* — «сходить в прокуратуру, отнести передачу...». В свою очередь, Ахматова высоко ценила «Элегию», которую знала от Н. И. Харджиева.

¹⁷ Любопытно привести свидетельство художника Б. Семенова, видевшего в тридцатые годы у Введенского «густо исчерканный черновик комической драмы «Прощальное танго», в которой всё было не так просто — одним из ее персонажей был претерпевавший таинственные превращения мужчина с козой по имени «Эсмеральда» — «Далекое — рядом», «Нева», 1979, № 9, с. 184.

¹⁸ ИМЛИ, ф. 120, оп. 1, ед. хр. 33. К письму приложены адреса обоих авторов письма. Посланные с письмом стихи не сохранились.

¹⁹ Хармс, и в особенности Введенский, поддерживали с М. А. Кузминым дружеские отношения. Сохранились фотографии, сделанные М. С. Напелльбаумом на чествовании Кузмина по поводу его пятидесятилетия (1925), где среди гостей снят Введенский. По поводу чтения одного из недавних произведений Введенского у Кузмина Хармс отмечает в записной книжке: «Их <т. е. Кузмина и Ю. Юркуна. — А. К., М. М.> похвала Введенскому» (запись вскоре после 19 января 1927 г.). О добром отношении к Введенскому Кузмина свидетельствовала О. А. Арбенина, а также дневниковые записи самого Кузмина 20-х годов (ЦГАЛИ, ф. 232).

²⁰ «Узел» — кооперативное «карликовое» издательство (артель поэтов, зарегистрированная как «промысловая артель»), существовавшее в Москве с 1926 по 1928 г. В правление издательства входили С. Парнок, М. Зенкевич и А. Эфрос. В «Узле» вышла книга Пастернака «Избранные стихи» (1926, первая книга издательства). Письмо, по-видимому, вызвано слухами о подготавливавшемся в издательстве альманахе «Узел», который, однако, не увидел света.

²¹ Введенский в то время подписывал имя и фамилию в одно слово и без заглавных букв, предпосылая подписи «чинарский» титул — *чинарь авторитет бессмыслицы*, в отличие от Хармса — *чинаря-взиральника*. Впоследствии Хармс посвятил в чинари других членов содружества, о котором говорилось выше, в том числе Я. С. Друскина.

²² Д. Хармс. Запись 21 августа 1928.